

Конференция по разоружению

1 July 2015
Russian
Original: English

Канада

Рабочий документ

Вопросы, призванные стимулировать обсуждение элементов договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств

Канада твердо привержена цели проведения переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств (договор), который послужил бы важным вкладом в дело ядерного нераспространения и ядерного разоружения. Мы имели честь председательствовать в Группе правительственных экспертов (ГПЭ), которая предприняла наиболее углубленную дискуссию по аспектам будущего договора из когда-либо проводившихся до сих пор. Для достижения этого уровня предметного обсуждения ГПЭ действовала на основе политически нейтрального и фактологического подхода, причем без внимания не была оставлена ни одна проблема. Председатель просил экспертов ГПЭ ответить на ряд вопросов, рассчитанных на проведение обзора тех самых проблем и трудностей, с которыми могут столкнуться участники переговоров по договору.

Эти вопросы представлены ниже в целях обеспечения большей транспарентности и четкости понимания работы Группы правительственных экспертов и содействия стимулированию дальнейшего рассмотрения этих проблем за пределами группы 25 государств, которые принимали участие в работе Группы правительственных экспертов. Мы надеемся, что эти вопросы помогут всем делегациям на Конференции по разоружению при подготовке к участию в предметных дискуссиях по будущему договору, в том числе в ходе предстоящих дискуссий согласно графику деятельности. Более чем когда-либо, мы сохраняем убежденность в ценности расширения перспективы Конференции по разоружению, с тем чтобы она включала рассмотрение как политических, так и технических аспектов ее работы. Мы считаем, что этот подход будет стимулировать более активное участие и понимание среди делегаций на Конференции по разоруже-

нию, что в свою очередь будет способствовать созданию более благоприятных условий для того, чтобы Конференция вернулась к выполнению своей переговорной роли, предусмотренной ее мандатом.

I. Цели договора и основные обязательства

1. На достижение каких конкретных результатов должен быть нацелен договор?
2. Какие выгоды он дал бы для международного сообщества?
3. Какой вклад он внес бы в обеспечение международного мира и безопасности?
4. Каковы были бы основные функции договора?
5. Каким должно быть воздействие договора в области нераспространения, ядерного разоружения и ядерной безопасности?
6. Должны ли цели будущего договора быть конкретными и поддаваться количественной оценке, или же они должны оставаться более общими и носить уповательный характер (например, быть связанными с дальнейшим продвижением ядерного нераспространения и разоружения)?
7. Каким образом договор мог бы стимулировать и продвигать ядерное разоружение? Каким образом в этом могла бы помочь структура будущего договора (формулировки преамбулы, поддержка отдельных протоколов или поэтапный подход)?
8. Должен ли будущий договор быть нацелен на обеспечение неувеличения количества расщепляющегося материала, имеющегося для ядерного оружия? Каким образом такая цель была бы сформулирована в договоре?
9. Какие последствия могла бы иметь цель неувеличения количества расщепляющегося материала, имеющегося для ядерного оружия, для материала, который будет извлекаться из ядерного оружия в рамках будущих усилий в области разоружения и свертывания вооружений?

II. Определения

Расщепляющийся материал

1. Какие расщепляющиеся материалы следует определить в договоре?
2. Какие существующие определения расщепляющегося материала наиболее актуальны для договора? Каковы были бы последствия использования различных предложений по определениям в договоре?
3. Насколько актуальны существующие категории материалов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) (специальный расщепляющийся материал, материал прямого использования, исходный материал и альтернативный ядерный материал) для договора о запрете производства расщепляющегося материала для использования в ядерном оружии?
4. Какие существующие категории материалов МАГАТЭ ближе всего согласуются с возможными целями будущего договора? Нужно ли будет расширить или скорректировать существующие категории материалов для реализации потенциальных целей договора?

5. Какие основные элементы могут быть использованы для проведения различия между существующими вариантами определения расщепляющегося материала в договоре?
6. Каким образом в договоре можно уточнить разницу между расщепляющимся материалом и материалом, пригодным для оружейного использования? Следует ли уделить особое внимание «оружейной применимости» различных типов расщепляющегося материала? Какие расщепляющиеся материалы являются наиболее актуальными с точки зрения оружейной применимости?
7. Помимо оружейной применимости, какие критерии следует использовать для оценки практической пригодности различных подходов к договорным определениям (проверяемость с точки зрения стоимости и конфиденциальности, недискриминация)?
8. Каковы последствия использования «коммутируемого» набора вариантов определений для расщепляющегося материала? Как, по мнению экспертов, это будет работать на практике?
9. Требуется ли затронуть и/или определить в договоре материалы, используемые в основном для гражданских целей (например, реакторный плутоний и низкообогащенный уран)?
10. Следует ли включить в договорное определение расщепляющегося материала нептуний и америций? Какие последствия это имело бы для проверки по договору и существующих гарантий МАГАТЭ? Каким образом исключение этих материалов повлияло бы на их привлекательность для будущих разработок ядерного оружия?
11. Должно ли договорное определение расщепляющегося материала охватывать производство трития для использования в ядерных взрывных устройствах, учитывая его использование в современных ядерных боезарядах для повышения их мощности?
12. Каким образом в будущий договор можно было бы интегрировать процедуру, которая в будущем позволяла бы адаптировать определения с учетом технологических достижений?

Производство расщепляющегося материала

13. Нужно ли определить в договоре термин «производство расщепляющегося материала»?
14. Какие существующие варианты для определения производства расщепляющегося материала являются актуальными для договора?
15. Каковы наиболее актуальные технические отправные точки/пороги для производства расщепляющегося материала (урана, плутония) в целях использования в ядерном оружии или других ядерных взрывных устройствах?
16. Должно ли договорное определение производства расщепляющегося материала охватывать весь ядерный топливный цикл, связанный с производством высокообогащенного урана и оружейного плутония, или же оно должно быть сфокусировано на конкретных видах деятельности, где оружейная применимость становится наиболее вероятной и практически реализуемой (концепция технических узловых точек)?
17. Следует ли сосредоточить определение на тех видах производственной деятельности, которые создают наибольший риск для целей договора?

Установка по производству расщепляющегося материала

18. Нужно ли в будущем договоре определить термин «установка по производству расщепляющегося материала»? Если да, то как это может быть достигнуто?
19. Каким образом договорное определение деятельности по производству расщепляющегося материала будет применяться в странах, где существует значительное частичное дублирование между гражданскими и военными производственными установками? Как можно было бы решить эту проблему?
20. Являются ли заводы по обогащению урана и переработке плутония наиболее актуальными производственными установками для этого определения? Какие другие производственные установки, если таковые имеются, могли бы подпадать под международную проверку согласно договору?
21. Нужно ли определить в будущем договоре «остановленные», «закрытые» и «снятые с эксплуатации» установки? Какова в этом контексте актуальность существующих определений, используемых в рамках гарантий МАГАТЭ?

Другие определения

22. Помимо расщепляющегося материала, производства расщепляющегося материала и установок по производству расщепляющегося материала, следует ли определить в договоре другие соответствующие термины (т.е. существующие запасы, ядерное взрывное устройство, передача, переключение, конверсия, обратная конверсия, переработка расщепляющегося материала, мирное и военное использование)?
23. Каково было бы обоснование для включения этих терминов в будущий договор? Каковы были бы последствия отказа от включения этих терминов для эффективного осуществления договора?
24. Какие последствия имели бы различные варианты договорных определений для ДНЯО и существующего режима гарантий МАГАТЭ? Окажет ли использование более широких или более узких определений в контексте договора негативное воздействие на целостность гарантий МАГАТЭ?
25. Каким образом дискуссии по договорным определениям могут позволить прояснить ключевые вопросы, касающиеся сферы охвата договора и возможных вариантов решения проблемы существующих запасов? Может ли согласие по некоторым договорным определениям способствовать продуктивным дискуссиям по сфере охвата?

III. Сфера охвата

1. Какое влияние оказывают соображения, касающиеся национальной безопасности, разоружения и защиты информации, чувствительной с точки зрения нераспространения, при определении сферы охвата договора?
2. Если бы цель договора состояла в неувеличении количества расщепляющегося материала для ядерного оружия, то как это определило бы сферу охвата договора? Повлияет ли это на другие аспекты договора, такие как определения?
3. Каким образом различные подходы к сфере охвата договора могут рассцениваться как соответствующие критериям недискриминационности, многосторонности и международной и эффективной проверяемости, установленным в мандате Шеннона?

4. Каким образом дифференцированные подходы к разным категориям запасов могут помочь преодолеть расхождения в позициях по сфере охвата будущего договора?
5. Какие функциональные категории расщепляющегося материала являются актуальными для определения сферы охвата будущего договора?
6. Каковы будут последствия, если в договоре не будет проводиться различия между разными категориями существующих запасов?
7. Помимо существующих запасов, какие другие вопросы, имеющие отношение к сфере охвата договора, могли бы быть полезным подспорьем для будущих переговоров по этому предмету?
8. Насколько ценными были бы меры, связанные с транспарентностью и контролем в отношении запасов, используемых в ядерном оружии, для укрепления уверенности и доверия, необходимых для проведения переговоров и осуществления договора?
9. Какова в этой связи ценность и практическая целесообразность императивных и добровольных обязательств?
10. Какие подходы могли бы применяться в отношении транспарентности запасов расщепляющегося материала, используемого в оружии? Каким образом в договоре могут быть использованы усилия по обеспечению транспарентности, предпринимаемые в рамках ДНЯО и на других форумах?

Гражданское производство

11. Будет ли договор включать положения, касающиеся производства расщепляющегося материала для гражданского применения?
12. Создает ли потенциальное переключение гражданского расщепляющегося материала значительную проблему для целей договора?
13. Должен ли договор содержать какое-либо обязательство, охватывающее существующие запасы расщепляющегося материала для гражданского использования?
14. Помимо обязательства по непереключению, какие другие формы могли бы иметь обязательства, касающиеся этой категории материалов?

Избыточные материалы

15. Какую роль могли бы играть меры, касающиеся расщепляющегося материала, заявленного в качестве избыточного с точки зрения военных потребностей, в обеспечении того, чтобы договор отвечал критериям необратимости? Являются ли такие меры существенно важными для того, чтобы будущий договор служил ценным вкладом в ядерное разоружение?
16. Каким образом избыточный расщепляющийся материал может быть определен в договоре?
17. Должны ли меры, касающиеся избыточного расщепляющегося материала, быть нацелены на достижение юридической необратимости, практической необратимости или и того, и другого?
18. Какую роль могли бы играть меры, касающиеся избыточного расщепляющегося материала, в рамках поэтапного подхода к вопросу о существующих запасах?

19. Какой подход мог бы быть использован в будущем договоре для заявления расщепляющегося материала, являющегося избыточным с точки зрения военных потребностей?

Незапрещенные военные цели

20. Каким образом в договоре могло бы быть затронуто производство расщепляющегося материала для незапрещенных военных целей?

21. Каков риск переключения расщепляющихся материалов, предназначенных для реакторов военных судов, на использование в ядерном оружии или других ядерных взрывных устройствах?

22. Будет ли реальное или предполагаемое переключение расщепляющегося материала, используемого в реакторах военных судов, на оружейные программы в государствах, обладающих ядерным оружием, подрывать цели договора в области нераспространения и разоружения?

Материалы из будущих разоруженческих процессов

23. Каким образом в договоре могли бы быть затронуты расщепляющиеся материалы, которые будут извлекаться из оружия в рамках будущих процессов разоружения и/или свертывания вооружений? Какие проблемы в области проверки возникли бы в этой связи?

24. Должен ли договор включать положения, касающиеся удаления этого материала? Будет ли удаление осуществляться государствами, обладающими ядерным оружием, в добровольном порядке, или же оно будет закреплено в качестве связывающего договорного обязательства?

25. Будет ли иметься какая-либо гибкость для того, чтобы такой материал мог вернуться для использования в оружейных программах? Потребуется ли определить конкретные цели, для которых такой материал мог бы быть использован после того, как он был извлечен из оружия?

26. Существует ли разница в том, как будущий договор затрагивал бы материал, появляющийся в результате будущих двусторонних разоруженческих усилий, по сравнению с материалом, появляющимся в результате будущих многосторонних усилий в области разоружения?

27. Какая информация могла бы предоставляться в заявлениях государств, стремящихся повысить прозрачность вокруг существующих запасов? С какими проблемами сталкивались бы государства, обладающие ядерным оружием, при представлении этой информации?

28. Какую ценность имела бы реализация инициативы по контролю над расщепляющимся материалом с точки зрения прозрачности и отчетности в отношении существующих запасов?

Последствия для проверки и определений

29. Какие последствия имели бы различные подходы к сфере охвата договора для режима проверки по договору?

30. Каковы последствия включения в сферу охвата договора определенных категорий материалов или видов производственной деятельности в плане проверки?

31. Должен ли договор обеспечивать, чтобы проверялись все виды деятельности в рамках сферы его охвата? Какие существуют альтернативы для включения

в сферу охвата договора определенных видов деятельности без распространения на них проверки?

32. Какие проблемы, связанные с требованием от государств, обладающих ядерным оружием, представлять заявления будущего производства гражданского материала, для целей проверки?

33. Полезны ли в этом контексте обязательные или добровольные заявления, и какую форму они могли бы иметь? С какими проблемами были бы сопряжены такие подходы в техническом плане и в плане проверки?

34. Какие последствия имели бы различные подходы к сфере охвата договора для договорных определений? Имеются ли дополнительные термины, которые нужно будет определить в будущем договоре на основе сферы охвата?

35. Возможно ли, что для государств, не обладающих ядерным оружием, все обязательства в рамках сферы охвата будущего договора покрывались бы соглашениями МАГАТЭ о всеобъемлющих гарантиях и/или дополнительными протоколами? Если нет, то что еще могло бы требоваться и при каких обстоятельствах?

36. Какие могли бы существовать добровольные или обязательные варианты для того, чтобы дополнительные материалы или категории материалов становились охваченными договором после его вступления в силу? Следует ли предусмотреть в договоре конкретные положения о проведении переговоров по дополнительным протоколам?

IV. Проверка

Цели и виды деятельности

1. Какие основные цели должен преследовать режим проверки по договору?
2. Меняется ли потребность в проверке определенных видов деятельности в рамках режима, устанавливаемого договором, в зависимости от сферы его охвата? Какие виды деятельности следует проверять в рамках будущего режима вне зависимости от сферы охвата договора?
3. Игруют ли какую-либо роль в этой связи меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия?
4. На какие конкретные виды деятельности следует нацелить режим проверки по договору (отсутствие производства для запрещенных целей на заявленных установках, непереключение расщепляющегося материала для использования в военных взрывных целях, отсутствие незаявленного производства или установок)? Как государства будут измерять степень эффективности проверки? Какой требуется уровень уверенности, и как он будет меняться с течением времени? Как можно сбалансировать политические аспекты надежных гарантий с необходимыми техническими соображениями?
5. Какова, по мнению экспертов, связь между деятельностью по проверке согласно договору и существующими обязательствами государств-участников в области проверки?
6. Каковы потенциальные связи между режимом проверки по договору и существующими механизмами гарантий МАГАТЭ (соглашения о всеобъемлющих гарантиях, дополнительные протоколы, соглашения о добровольной постановке под гарантии, соглашения по конкретным предметам)?
7. Совместима ли разработка специальных инструментов и методов проверки для конкретных установок с принципами недискриминации?

8. Каким образом в договоре была бы практически закреплена концепция необратимости?
9. Как в договоре можно было бы закрепить положения, согласно которым материал, не подпадающий под действие договора, в некоторых обстоятельствах становится материалом, подпадающим под его действие? Каким образом этот процесс стал бы необратимым?
10. Можно ли в контексте потенциальных добровольных заявлений избыточного материала наладить процессы для обеспечения необратимого выведения этих материалов из оружейных программ?
11. Будет ли это проверяться? Достаточны ли нынешние методы проверки для обеспечения соблюдения потенциального договорного положения по этому вопросу?
12. Если бы договор устанавливал для его участников связывающие обязательства снимать с эксплуатации бывшие военные установки или осуществлять их конверсию на мирные цели, как можно было бы практически обеспечить в договоре необратимость этих процессов?
13. Могут ли национальные решения о снятии с эксплуатации или конверсии установок, даже если будущий договор не будет содержать связывающего обязательства, подлежать международной проверке в качестве средства обеспечения необратимости этих усилий? Как это могло бы быть сделано, и какие проблемы это создавало бы для проверки?

Проблемы проверки

14. С какими техническими и политическими проблемами сопряжена способность будущего режима проверять отсутствие незаявленного производства или незаявленных установок?
15. Требуется ли договор особым верификационным подходам для выявления случаев незаявленного производства на заявленной установке и существования незаявленных установок, а также реагирования на них?
16. Будет ли наличие незаявленных установок расцениваться как нарушение согласно договору, или это будет так только в том случае, если на этих установках имеет место запрещенная производственная деятельность? Что это значит для порядка проверки договора?
17. Какие конкретные технические проблемы связаны с проведением проверки на различных типах производственных установок?
18. Каковы наиболее вероятные потенциальные лазейки в режиме проверки по договору? Какая из них может создать наиболее значительную угрозу для способности режима проверки обеспечивать надежные гарантии соблюдения?
19. Какие существуют связи между потенциальными лазейками в области проверки и такими понятиями, как время обнаружения, обнаруживаемое количество и вероятность обнаружения?
20. Какие конкретные технические проблемы связаны с проведением проверки на различных типах установок по обогащению урана? Помимо проблем, связанных с установками, где осуществлялось оружейное производство, какие другие проблемы имеют актуальное значение?
21. Какие верификационные меры необходимы для проверки непереклечения избыточного расщепляющегося материала обратно в оружейные программы? Какие конкретные проблемы существуют на пути реализации этих мер?

22. Какие технические и политические проблемы связаны с проверкой непереключения расщепляющегося материала с незапрещенных целей? Требуется ли это учета каких-либо особых соображений, помимо тех, которые касаются установок по обогащению урана и переработке плутония?
23. Как могло бы быть обеспечено непереключение незапрещенного военного производства расщепляющегося материала, в том числе для реакторов военных судов? Какие конкретные подходы могли бы быть использованы?
24. Возможна ли проверка такого материала? Каковы были бы проблемы проверки? Как их можно было бы преодолеть? Каким образом будущий договор затрагивал бы информацию, являющуюся чувствительной с точки зрения национальной безопасности и нераспространения?
25. Какие механизмы потребовались бы для того, чтобы дать международному сообществу надежные гарантии непереключения расщепляющихся материалов, используемых в реакторах военных судов?
26. Имеется ли практическая возможность разработки новых технологий проверки для материала на военных установках?
27. Каким образом режим проверки по договору должен стремиться обеспечить надежные гарантии того, что в государствах, обладающих ядерным оружием, или государствах, не являющихся участниками ДНЯО, не происходит переключения гражданского материала на оружейное использование? Какую форму могло бы иметь это обязательство? Какими могли бы быть соответствующие инструменты проверки для такого обязательства?

Набор средств проверки

28. Какие конкретные инструменты и методы были бы наиболее подходящими для набора средств проверки договора?
29. Потребуется ли адаптация существующих инструментов МАГАТЭ (обычная инспекция, сохранение и наблюдение, учет материала, регулируемый доступ, базовая информация о конструкции и т.д.) для их функционирования в рамках договора? Можно ли адаптировать эти инструменты для того, чтобы независимое агентство «ДЗПРМ» могло обнаруживать незаявленное производство и проверять отсутствие производства?
30. Какие верификационные инструменты можно было бы разработать для проверки незаявленного производства расщепляющегося материала или установок в государствах, обладающих ядерным оружием? Учитывая интересы национальной безопасности и нераспространения, какими практическими методами могло бы, в частности, воспользоваться международное сообщество для разработки инструментов проверки в этой связи?
31. Существуют ли проблемы проверки по договору, которые невозможно решить при помощи существующих инструментов и методов? Как могли бы быть решены эти проблемы?
32. Могут ли соглашения о добровольной постановке под гарантии или гарантии по конкретным установкам, имеющиеся между государствами, обладающими ядерным оружием, и МАГАТЭ, использоваться для обеспечения эффективной проверки гражданского материала в этих государствах?
33. Являются ли правовые положения и обязательства, содержащиеся в существующих механизмах гарантий МАГАТЭ, актуальными для различных компонентов режима проверки по будущему договору (проверка конкретных подходов к сфере охвата, преодоление конкретных проблем проверки)?

34. Помогают ли положения, содержащиеся в дополнительных протоколах, получать существенную информацию о ядерной деятельности в государствах-участниках, которая потребовалась бы для проверки соблюдения договора?
35. Должен ли договор использовать существующие критерии проверки МАГАТЭ, такие как время обнаружения, вероятность обнаружения и обнаруживаемое количество (значимое количество)?
36. Насколько актуальными являются используемые ныне в рамках МАГАТЭ сохранение и наблюдение, а также отбор проб окружающей среды для проверки по договору? Какова актуальность таких используемых МАГАТЭ методов проверки, как учет материала и проверка информации о конструкции?
37. Будет ли режим проверки по договору опираться на один или два основных метода проверки, или же, подобно нынешним методам МАГАТЭ, он будет основываться на сочетании инструментов? Какие уроки, извлеченные из опыта использования методов МАГАТЭ, могут быть актуальными в этой связи?
38. Каковы некоторые конкретные инструменты проверки, которые уже существуют или могут быть разработаны для каждой из категорий в определениях расщепляющегося материала?
39. Какое практическое воплощение мог бы обрести в договоре подход к проверке с позиций оценки риска? Каковы последствия использования «тяжелых» и «легких» методов проверки? Каковы потенциальные «различные уровни» проверки для мониторинга соблюдения договорных обязательств?
40. Какое практическое воплощение мог бы обрести в договоре подход к проверке на основе сотрудничества? Какие из подходов, используемых в режимах проверки Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) и Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, были бы наиболее подходящими в контексте разработки подхода к проверке на основе сотрудничества в рамках договора? Могут ли эти подходы быть использованы для разработки конкретных инструментов и методов проверки по договору, или же их лучше всего отразить в общих процедурах агентства, занимающегося проверкой?
41. Что касается недискриминационности проверки, то можно ли заложить в договоре постоянный базовый подход (т.е. на основе общего набора средств проверки и подхода к проверке на основе сотрудничества), применимый ко всем государствам? С какими проблемами в области проверки был бы сопряжен такой подход?

V. Институциональные/правовые вопросы

Институциональные вопросы

1. Каковы преимущества и недостатки наличия независимой организации/секретариата по ДЗПРМ, принимающей/принимающего основные решения, связанные с договором, в том числе по таким вопросам, как несоблюдение и распределение ресурсов?
2. Что касается возможной организации/секретариата по ДЗПРМ, то в случае ее/его независимости от органа, занимающегося проверкой (МАГАТЭ или иного), каковы некоторые из основных вариантов ее/его структуры? Что предусматривал бы ее/его мандат? Каким был бы подходящий размер? Какого рода инструмент потребовался бы для официального оформления характера отношений между этим управляющим органом и органом, занимающимся проверкой?

3. В случае, если организация/секретариат по ДЗПРМ принимает на себя обязанности по проверке, какие существуют варианты для ее/его структуры и обязанностей?
4. Какие проблемы прогнозируют эксперты в связи с потенциальным учреждением исполнительного совета и конференции государств-участников? Кто участвовал бы в работе этих структур? Каким образом они функционировали бы на практике?
5. Какие элементы режима проверки по договору следует наметить в самом договоре и какие следует учредить на основе последующих договоренностей, достигнутых между органом, занимающимся проверкой, и государствами-участниками?
6. Если МАГАТЭ не будет играть какой-либо роли в проверке по договору, то каковы были бы последствия того, что организация/секретариат по ДЗПРМ или иное независимое агентство, занимающееся проверкой, будет использовать данные по гарантиям МАГАТЭ в процессе осуществления деятельности по проверке и обеспечения соблюдения ДЗПРМ?

Правовые вопросы

7. Какие существуют варианты для решения вопросов несоблюдения в рамках договора? Как они могли бы быть адаптированы в контексте ДЗПРМ для обеспечения доверия к договору? Следует ли разработать технические процедуры? Если да, то как можно было бы учесть в таких сценариях неизбежный политический контекст?
8. Что влечет за собой требование от государств, не обладающих ядерным оружием, осуществлять соглашения о всеобъемлющих гарантиях и/или дополнительные протоколы с МАГАТЭ? Как это обязательство было бы оформлено в практическом виде в тексте будущего договора, с тем чтобы выполнение этих соглашений составляло соблюдение ДЗПРМ?
9. Насколько актуальными были бы соглашения о добровольной постановке под гарантии или соглашения по конкретным типам установок для государств, обладающих ядерным оружием, в рамках договора?
10. Что требуется для того, чтобы договор сохранял гибкость, требующуюся для адаптации к будущим изменениям в глобальном стратегическом контексте?
11. Для того чтобы достичь недискриминационности в охвате, должен ли договор применять одни и те же основные правовые обязательства ко всем государствам? Каковы последствия такого подхода?
12. Требуются ли дополнительные элементы для достижения недискриминации? Из чего они могли бы состоять?
13. Может ли быть достигнута цель недискриминации на основе дифференцированных подходов к проверке, применяемых к различным категориям государств (обладающим ядерным оружием, обладающим передовыми ядерными возможностями и т.д.)?